

взору, ослепленному генетистскими и механистическими предрассудками. Из этого следует вся важность взгляда, охватывающего целостность фактов, которые в своей единичности или бесконечной множественности не имели бы никакого смысла.

Книга Трубецкого «Наследие Чингисхана» открывается темой, которая стала лейтмотивом всего евразийского учения: это «обращение перспективы» или «поворот взгляда». Мыслить иначе – значит уметь открыть глаза, узреть то, что остается скрытым при плохом методе. Для евразийцев обращение взгляда сопровождается новыми словами: «Новая эпоха предполагает и новую установку сознания, видение того, что прежде оставалось в тени, переоценку старого и в связи со всем этим новую терминологию» [3, с. 355]. Савицкий создал множество новых слов, таких как месторазвитие, евразияция и др.

Для евразийских мыслителей научное творчество начинается в момент установления совпадений или соответствий, увязывания фактов между собой. Именно наличие соответствий доказывает для них реальное существование искомого объекта. Это основоположное значение теории соответствий – это целостное и синтетическое мировидение: кажется, будто можно исчерпать целостность всех возможных точек зрения, помыслить реальный объект, дотянуться до него путем накопления и взаимоналожения точек зрения.

Трубецкой подчиняет всю свою систему научных дисциплин персонологии, которая призвана их «соотнести» [2, с. 7]. Так возникает система двух соотнесенных рядов наук, в которой наряду с описательными науками существуют истолковывающие науки: история/историософия, этнография/этнософия, география/геософия [2, с. 7]. Лишь истолковывающие науки позволяют понять изучаемые факты, обнаружить их скрытый смысл, не ограничиваясь описанием явлений. Только на основе всех наук вместе взятых может появиться «исчерпывающая теория личности».

Этот синтез наук достигим лишь посредством новой научной дисциплины «персонологии», единственно способной согласовать науки друг с другом. Без нее возможна лишь «энциклопедия» наук, хаотический конгломерат более или менее научных идей. Отсутствие такой «персонологии» – это самый большой недостаток западной мысли [2, с. 7].

Суть главного положения персонологии евразийцев в том, что человеческое сообщество, как индивид, должно рассматриваться прежде всего как личность, причем между одной и другим существуют лишь различия в степени: в обоих случаях все аспекты личности взаимосвязаны и образуют органическую (в лучшем случае даже гармоническую) целостность: «Между отдельным человеком и органической многочисленной личностью в этом отношении и принципиальной разницы нет, а есть только разница в степени сложности соответствующих явлений» [4, с. 10].

В противоположность индивиду, взятому изолированно, как чистая абстракция, личность от рождения вовлечена в сообщество. Следовательно, государство не должно быть абстрактным продуктом, арифметической суммой разрозненных, отдельных друг от друга индивидуальных волей: это союз «симфонических» групп, собранных в высшее единство общей Верой.

Таким образом в концепции Трубецкого возникает напряжение между требованием полноты личности и безличностью философии, обусловленной историко-культурным детерминизмом. Его программа сохранения неразложимой самодостаточности каждого сознания подрывается понятиями «уровня» или «сцепления», а также неразличением индивида и сообщества: самобытность сообщества обеспечивается за счет самобытности индивида. В целом Трубецкой вписывается в характерный для того времени персонализм, однако в итоге он парадоксальным образом сдвигается к полюсу безличного.

Один из источников персонологии Трубецкого – христианские размышления о Троице (триипостасной божественной природе) и о воплощении (о личности, имеющей двоякую природу – божественную и человеческую), особенно важные для православного мира.

После Второй мировой войны под воздействием систем структуралистского или коллективистского типа персонализм в целом быстро пошел на спад; что же касается философии Трубецкого, то в ней уже содержались зачатки структуралистской и коллективистской мысли.

Литература:

1. Логовиков П.В. (псевдоним Савицкого П.Н.). Научные задачи евразийства // Тридцатые годы. Кн. 1. Издание евразийцев, 1931.
2. Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания. Париж, 1927.
3. Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 355.
4. Трубецкой Н.С. Упадок творчества // Евразийская хроника. Кн. 12. Издание евразийцев, 1937.

Русский персонализм: социально-философский аспект

Кацапова И.А.

Институт философии РАН, старший научный сотрудник. Кандидат философских наук

katsapova@gmail.com

Аннотация В русской философии теме человека, его судьбы уделяется много внимания. Отечественный «историософский» персонализм формировался на прогностических суждениях его представителей. В отечественной традиции личность рассматривается как религиозно-идеалистический субъект, и таким образом практически противопоставляется западноевропейскому «гносеологическому субъекту». Представители отечественного персонализма считают, что понятие «мир» не ограничивается понятием всеобщего бытия, есть «нечто трансцендентное» (А. Козлов). И что только при обращении к собственному глубинному духовному опыту, человеку способны раскрыться загадки мира, потому что одна-единственная тайна жизни заключается в понимании деятельности исходя из собственных наблюдений (Н. Бердяев). В статье же предлагается рассмотреть социально-философский аспект русского персонализма на примере творчества Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцева, И.А. Ильина, которые рассматривали человека как субъект и объект общества в его отношении к основным социальным институтам и ценностям.

Ключевые слова: персонализм, философская антропология, человек, личность, дискурс, нравственность, свобода.

Russian personalism: social and philosophical aspect.

Katsapova Irina Anatolievna

Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences

Annotation: In Russian philosophy, much attention is paid to the topic of man and his fate. The Russian “historiosophical” personalism was formed on the prognostic judgments of its representatives. In the Russian tradition, the individual is considered as a religious-idealistic subject, and thus is practically opposed to the Western European “epistemological subject”. Representatives of Russian personalism believe that the concept of “world” is not limited to the concept of universal existence, there is “something transcendent” (A. Kozlov). And that only when referring to their own deep spiritual experience, a person can reveal the mysteries of the world, because the only secret of life is to understand the activity based on their own observations (N. Berdyaev). The article also suggests considering the socio-philosophical aspect of Russian personalism on the example of the works of B. Chicherin, P. Novgorodtsev, and I. Ilyin, who considered a person as a subject and object of society in its relation to the main social institutions and values.

Keywords: personalism, philosophical anthropology, person, personality, discourse, morality, freedom.

В современных дискуссиях продолжается спор о сущности человека, о его возможностях, о способностях к развитию, и конечно, о границах и формах достойного и недостойного его существования. Но современный аспект этих дискуссий сориентирован в большей мере на то, насколько велика сегодня степень реального и ответственного участия каждого индивида не только в собственной судьбе, но и судьбе мирового пространства.

Понятно, что каждая эпоха в своих представлениях о человеке, личности, предлагает собственную интерпретацию «человека, ставшего проблемой» (Т. Марсель). С конца XIX века философами и социологами фиксировалась ситуация опасности для человека, которая воспринималась как чрезвычайный ее поворот «на перекрестке миров», как «агония» или последний шанс для человека, последний риск.

В современном обществе человеку продолжает угрожать рациональное основание его жизни, которое вместе с научно-техническим прогрессом становится всепроникающим и одновременно формальным, по сути, античеловеческим. В современном обществе практически все основывается на «формальной рациональности», на расчете – и техника, и образ мысли, и хозяйственная этика. Не является

исключением и наука. Опасность состоит в том, что под влиянием общих процессов качественные характеристики жизненных явлений и даже самого человека могут превратиться в количественные. Получается, что рационалистически ориентированное общество, где сама действительность лишена верховной ценности, всеобщего смысла, превращается в вечную войну несовместимых ценностных принципов. В таких условиях происходит «отделение истины – от добра и красоты...». И человек, выбирая ту или иную мировоззренческую установку, теряет, по сути, целостность существования, превращается в личность «расщепленную», рассогласованную с самим собой.

Отчаянную попытку защитить, отстоять личность и ее внутренний мир от бесцеремонных и бесчеловечных посягательств на него со стороны общества и государства, предприняли в XX веке философы экзистенциалисты, философия которых в общем плане стала надеждой на восстановление «целостного» мироощущения человека, целостной личности. В западноевропейской философии, благодаря идеям Э. Кассирера, М. Шелера, М. Хайдеггера, Э. Фромма и других, произошел «антропологический поворот», создавший предпосылки для развития новой парадигмы мышления.

Антропологический аспект важен и для русской философии, что неоднократно подчеркивалось авторами, ставившими своей задачей систематическое изложение истории отечественной философской мысли. На этот факт указывает В.В. Зеньковский, утверждая, что «русская философия ... больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях». В отличие от западноевропейской философии, интересовавшейся в большей мере проблемами мироустройства и бытия как такового или человеческой познавательной способностью самой по себе, русская философия с момента ее зарождения интересовалась больше проблемами человеческого бытия и постижения человеком его смысла. И одной из важнейших национальных особенностей русской философии можно выделить ее этико-социальную ориентированность.

Принято считать, что философская антропология имеет общие гносеологические корни с персонализмом. В персонализме предмет изучения очерчивается творческой субъектностью человека. Опираясь на знание о персонализме, человек может найти свою индивидуальность, и понять свою неповторимость и уникальность как субъекта. Сделать это можно только в обществе, в процессе коммуникации, когда в диалоге с другими людьми личность приобретает очертания персоны. Главные вопросы, поднимаемые персонализмом, это не только религиозно-этическая проблематика, но и независимость и этическое воспитание личности. Русский персонализм ориентировался, скорее, на диалектику индивидуального и социального в человеке, когда человек представляет собой одновременно и субъект, и объект жизнедеятельности.

Условия социальной жизни, характер общественных отношений вынуждают человека вести себя так, как обуславливают правила и обстоятельства социальной жизни. Участие индивида в общем жизненном процессе в качестве субъекта формируют в нем осознание меры ответственности как в выборе, так и принятии решения, обозначая тем самым личную его ценность. Становление личности это сложный, двусторонний процесс, в котором сталкиваются и воедино сходятся два противоположных и диалектически между собой связанных начала. Необходимая связь индивида с той или иной социальной группой, обществом, человеческой историей, миром, наконец, и – выделенность индивида из целого, тенденция независимости от него, противостояние ему ради «самосознания» и самореализации. Практически, это две неустраняемо возникающие перед личностью необходимости, две ее жизненные задачи. Одна – реализация возможной в данных конкретно-исторических условиях личной свободы, осуществление самостоятельности (мышления и действия) и разностороннего развития индивидуальных задатков. И другая – обретение, установление, осознание связей личности с целым, та или иная общественная, ценностная ориентация личности, проявляющаяся в конце концов в форме персональной ответственности, нравственно и социально значимой, в форме ответственного поступка. В конечном итоге существо личности, ее целостность проявляют себя в нравственной ответственности, в разной ее степени, в разных ее формах: ответственность личности перед собой, перед другими, перед обществом.

Существующие в самой реальности подобные градации, очень продуктивно прослеживаются в отечественной философской и художественной литературе. Художественная литература очень тонко улавливает *эстетический* аспект формирования личности, ее особого, единичного положения в социальном пространстве, исходя из единственности, «незаместимости» ее положения в мире, в социуме, когда художник воспринимает каждого человека в качестве главного, неподменяемого никем и невозполнимого ничем лица [1, с.31]. В данном случае представления о личности, которые входят в

эстетический идеал художника в качестве важнейшей его составляющей, заключают в себе и оценку, и задачу, и осознание возможностей человека. Отечественная философская литература ориентировалась в большей мере на *этическое* в личности – на представление о нравственном, о должном, об ответственности.

Верно, что личностью не рождаются, личностью становятся (И. Кон) – и верно это не только по отношению к формированию отдельного человека, но и к истории всего человечества. Личность при всей ее сложности и бесконечности разнообразия проявлений, обладает известной внутренней определенностью и устойчивостью. Целостность личности, утверждают психологи, поддерживается и регулируется единством ее ценностных ориентиров, мировоззрения, жизненных целей, чувством ответственности. Ответственность гарантирует «внутреннюю связь элементов личности» [1, с. 5], а значит ее гармоничность и красоту.

В социальной философии к проблемам личности обращались многие отечественные философы, праведы и даже юристы. В рамках философско-правовой проблематики они рассматривали не только вопросы соотношения личности и общества, но и вопросы воспитания и нравственного совершенствования личности.

Философская антропология Б.Н. Чичерина строится на признании того, что только в человеке есть «абсолютное значение нравственного начала». Чичерин явил собой редкий тип защитника свободы личности. Именно пафос свободы составляет руководящий мотив практически всей научной и публицистической деятельности Чичерина. Мыслитель требовал уважения к человеческому достоинству и независимости подчиненных от власть имущих. При этом от самих подданных он равным образом требовал признания в самих себе этого достоинства по отношению к власти.

Свобода личности для мыслителя служила краеугольным камнем всего правового порядка, всего государственного и общественного устройства. Человек для Чичерина является носителем Безусловного. Общество состоит из лиц, а потому лицо, естественно, составляет первый предмет исследования. Главными определяющими факторами человеческой жизни в общественном пространстве Чичерин считал разум и волю. И так как творит и чувствует не общество («безличное целое»), а человек, то все исходит и возвращается к человеку.

В творчестве П.И. Новгородцева присутствует философское обоснование не только усиления роли правового государства, его норм и законов, но также рассматривается тема достоинства личности, интересы которой представлены в его произведениях как главный приоритет в решении социальных проблем. В ранний период философ в большей мере уделял внимание нравственному совершенствованию личности, позднее он призывал к возвращению православных святынь для возрождения русского национального сознания. Религиозно-нравственная проблематика, на которую вышел в поздний период своего творчества Новгородцев, оказалась только заявленной и до конца не раскрытой, однако именно в ней прослеживается диалектика мировоззрения мыслителя: от социально-политического к национально-историческому.

Новгородцев обращался к личности как конкретной и своеобразной абсолютной ценности. В личности он видел смысл и цель прогресса. Под личностью мыслитель понимал универсальное духовное содержание, многообразно и индивидуально проявляющееся в каждом человеке и представляющее собой самостоятельную ценность. В нравственности философ видел тот источник неограниченного совершенствования, который способен приблизить человека к Абсолюту, и тот отличительный признак, благодаря которому каждый осознает себя уникальной и неповторимой личностью. Пытаясь ответить на вопрос: каким образом связаны между собой нравственное сознание отдельной личности и развитие целого общества, Новгородцев, по сути, определил путь к достижению общественного идеала, который рассматривал в качестве перспективы нравственного совершенствования всего человечества.

Ученик Новгородцева И.А. Ильин, продолжил и развил некоторые особенности философской антропологии в творчестве своего учителя. В творчестве самого же Ильина раскрываются различные аспекты социально-философской антропологии мыслителя. Ильин пытается решить задачу – духовного обновления человека, а также раскрывает духовные аспекты человеческой свободы. Согласно Ильину, человек, «нашедший свою свободу и утвердившийся в ней, знает, что никакие условия, ни внешние, ни внутренние, не могут отнять у него этой свободы; ибо оттого, что другие люди будут обходиться с ним, как с рабом, его свобода не угаснет, а только углубится до пределов внешней недостижимости. Свобода не «дается», а «берется»; она берется духом, как его неотъемлемое достояние, и соблюдается им, как

неотчуждаемая святость» [2, с. 773].

В творчестве Ильина оригинальная концепция человека представлена в контексте социально-философской проблематики, в рамках которой он рассматривает все аспекты социальной жизни индивида через призму «духовного обновления». Тема «духовности человека» очень важна для Ильина, он рассматривает ее как высшее предназначение человека.

Проблемы нравственной философии, идеи духовно-нравственного и правового воспитания в творчестве Ильина оказались вполне актуальными и для современности.

Литература:

1. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: 1979. С. 31.
2. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: 1979. С. 5.
3. Ильин И.А. И. Ильин. Почему мы верим в Россию: Сочинения. М.: Эксмо, 2008. 912 с.

Персоналистический поворот в философии

Мелих Ю.Б.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Философский факультет, кафедра философии естественных факультетов, профессор. Доктор философских наук

yuliamelikh@yahoo.com

Аннотация: Заявленная тема раскрывается в трех аспектах: 1) Представлен культурно-исторический контекст, связанный с персонализмом в концепции циничного разума П. Слотердайка. Раскрывается диалектический возврат циничного разума к античному после прохождения через просвещенное фальшивое сознание диффузного циничного разума. 2) Рассматриваются формы знания, релевантные для сценического существования человека у В. Хогребе. На такую форму знания указывает Аристотель в Никомаховой этике, определяя ее «тактом снисходительности», включающей в себя благосклонное суждение, равное правде. Хогребе считает, что подобное суждение может означать мягкие требования к поведению и чуткость социального обхождения. 3) Предлагается трактовка философии через ее темперамент (У. Джеймс) и темперамент личности на примере С.М. Половинкина, А.В. Соболева. Делается вывод о том, что рост значения сценического существования человека, прослеживаемый в философском и культурном дискурсе, можно определить как персоналистический поворот, а также, о том, что осмысление современного состояния философских проблем в Европе на двести лет отстает от их осмысления в отечественной философии.

Ключевые слова: культурология, циничный разум, сценическое существование человека, мантический персонализм.

Personalistic Turn in Philosophy.

Melikh Yu.B.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Philosophy of Natural Science Faculties

Abstract: The stated topic is revealed in three aspects: 1) The cultural and historical context associated with personalism in the concept of the cynical mind of P. Sloterdijk is presented. The dialectical return of the cynical mind to the antique after passing through the enlightened false consciousness of the diffuse cynical mind is revealed. 2) The forms of knowledge that are relevant for the scenic existence of a person in W. Hoguebe are considered. Such a form of knowledge is indicated by Aristotle in Nicomachean Ethics, defining it as a “tact of indulgence,” which includes a favorable judgment equal to the truth. Hoguebe believes that such a judgment can mean soft demands on behavior and sensitivity of social interaction. 3) The interpretation of philosophy through its temperament (W. James) and personality temperament based on the example of S.M. Polovinkin and A.V. Sobolev is proposed. It is concluded that the increase in the importance of the scenic existence of man, traced in philosophical and cultural discourse, can be defined as a personalistic turn, and also that the understanding of the current state of philosophical problems in Europe is two hundred years behind their comprehension in Russian philosophy.

Keywords: cultural studies, cynical reason, scenic existence of man, mantic personalism.

1) В современном философском дискурсе рассматриваются концепции, указывающие на персоналистический поворот. В данном контексте особое значение имеет его история, которая ставится под сомнение с точки зрения ее рациональности, но без ее деконструкции и иррационализации. Петер Слотердаjk рассматривает историю с позиции системного проявления в ней циничного разума. При этом он ищет связь между образом человека и представляемой им философией и тем самым персонифицирует ее. С одной стороны, история еще остается в сфере объективного духа истории, но не «хитрого», а циничного разума, с другой – история обретает лицо. Выясняется в какой форме циничный разум проявляет себя сегодня. Слотердаjk напоминает, что античность знает циника, т.